ИЗГНАННИЦА МУИРВУДА

ИЗГНАННИЦА МУИРВУДА

Клятва Муирвуда

Книга первая

ДЖЕФФ УИЛЕР

КАРЬЕРА ПРЕСС
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 44
У36

Перевод с английского — Ирина Ющенко
The Banished of Muirwood
The Covenant of Muirwood. Book One
Jeff Wheeler
Первая публикация: 47North, 2015

Уилер Д.
У36 Изгнанница Муирвуда. Клятва Муирвуда / Джефф Уилер [Пер. с англ. И. Ющенко]. — М.: Карьера Пресс, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-00074-258-7

Сага-фэнтези о 18-летней Майе, изгнанной принцессе Комороса. Когда в стране, которой правит ее отец, воцарился хаос, Майя решается на рискованный квест, чтобы спасти страну. Пытаясь выжить, она вынуждена прибегать к магии, которой обучилась тайно, ведь женщинам запрещено владеть магией. Буквально за каждым углом ее поджидают враги, но Майя начинает осознавать, что зло рыскает и внутри нее. Магическая сила Майи начинает играть с ней злые шутки: от Майи ускользает контроль над собственным сознанием, размываются ориентиры — что есть правда, что ложь. Сможет ли она освободиться и спасти свое королевство, которому предана до глубины души, несмотря на то, что королевство ее отвергло?

Джефф Уилер работал в Intel. Но литература взяла верх. Его романы стали бестселлерами. И это первое издание книг Джеффа Уилера на русском языке.

ISBN 978-5-00074-258-7

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 44

Text Copyright © 2015 Jeff Wheeler
© 2019, «Карьера Пресс», перевод и издание на русском языке
All right reserved
This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency.

Тому, Джордану, Дейлу и Стиву
(а также Мэдж)

Несс
Бамбург
Норрис-Йорк
Биллербек
Ростик
Круцис
Форши
Отландия
Тинтерн
Минис
Бриджстоу
Семпринфолл
Прай-Ри
Коморос
Вегг
Муирвуд
Антимо
Холируд
Кларедон
Пайзена
Зимнепутье
Августин
Горы Вацхольт
Коморос
Риво
Горы Пелийе
Кэспур
Довье
Сумила
Чистер
Лизье
Фентон
Крюи
Пик
Дагомея
Бриек
Мон
Везинц
Дохту
Рок-Адамор
Горы Пелийе
Касинум
Аргус
Проклятые берега
Утраченное аббатство
Авиньен
Авиньен
• Города
✝ Аббатства

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Кистрель	1
Глава вторая. Корриво	14
Глава третья. Аргус	27
Глава четвертая. Буря в горах	40
Глава пятая. Леди Деорвин	48
Глава шестая. Королевский кольер	62
Глава седьмая. Рок-Адамор	75
Глава восьмая. Бегство	89
Глава девятая. Духов день	104
Глава десятая. Кошмары	120
Глава одиннадцатая. Граф Дэйре	132
Глава двенадцатая. Облава	145
Глава тринадцатая. Измена	157
Глава четырнадцатая. Бесчисленные	171
Глава пятнадцатая. Дагомейский Проглот	181
Глава шестнадцатая. Судьба	194
Глава семнадцатая. Две петли	206
Глава восемнадцатая. Тайный совет	221
Глава девятнадцатая. Клятва	233
Глава двадцатая. Горы Пелийе	248

Глава двадцать первая. Страхогорище 258
Глава двадцать вторая. Аббатство Крюи 269
Глава двадцать третья. Позор 281
Глава двадцать четвертая. Принцесса Комороса 294
Глава двадцать пятая. Странник 307
Глава двадцать шестая. Погоня 320
Глава двадцать седьмая. Отландия 332
Глава двадцать восьмая. Яд 344
Глава двадцать девятая. Армада 358
Глава тридцатая. Королева Дагомеи 371
Глава тридцать первая. Предательство 384
Глава тридцать вторая. Кишон 397
Глава тридцать третья. Ассиника 409
Глава тридцать четвертая. Эрешкигаль 422
Глава тридцать пятая. Выкуп 432
Глава тридцать шестая. Муирвуд 446
Эпилог 457

От автора 461
Благодарности 463
Об авторе 465

Задолго до того, как мы с твоим прадедом взошли на «Хальк» и оставили старые берега... До того, как Скверна пожрала все живое, пощадив лишь одну-единственную душу... До того, как киль нашего судна взрезал неизведанные воды и лег на песок... До того, как нога человека коснулась этой земли... Задолго до того, о правнучка, я принесла Клятву. Я поклялась Альдермастону в том, что потомки мои вернутся на старые земли и восстановят из руин аббатство Муирвуд. Я поклялась, что Сокровенная Завеса откроется вновь и что душа Альдермастона обретет покой в Идумее. Когда Сокровенная Завеса закрылась, аббатства утратили связь друг с другом и мертвые остались прикованы к сему миру, не в силах вернуться в свое законное пристанище. Однако видения пришли ко мне уже после Клятвы. Видения открыли мне, что иной народ пожелает назвать нашу землю своей прежде, чем туда вернутся наши потомки. Многое предстоит мне тебе поведать, но Клятва должна быть исполнена, иначе мир наш не устоит. Долг исполнить ее я возлагаю на тебя.

Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Кистрель

Устроившись на широком подоконнике, Майя смотрела, как глаза канцлера Валравена наливались серебром. Блаженно вытянув длинные ноги, канцлер отдыхал на жесткой деревянной скамье у стены. Черная ряса дохту-мондаров скрадывала очертания старческого тела, однако коричневые кожаные башмаки поверх темных шоссов смотрелись рядом с ней в высшей степени неуместно. На коленях у старика покоился открытый золотистый том, и одна рука похлопывала по блистающему орихалку страниц, в то время как другая покоилась на груди, под висевшим на цепочке кистрелем. Тонкие седые волосы были взлохмачены, подбородок обрамляла узкая ухоженная бородка.

Канцлер взывал к магии кистреля. Шепот Истока зашелестел в комнате, наполнил собой башню. По телу Майи прошла волна дрожи, сочетавшая в себе жгучий восторг пополам со страхом. Она знала это ощущение: оно прихо-

дило всякий раз, стоило лишь ей взглянуть в светящиеся глаза канцлера в тот миг, когда он взывал к кистрелю. Взгляд канцлера был прикован к полукруглому алькову башни. Там в беспорядке громоздились книги в кожаных переплетах — целые стопы книг, тома, сундуки, урны полностью занимали все пространство. Окно в башне было всего одно, то самое, у которого сидела Майя, и тусклый луч солнца согревал детские плечи, покуда девочка увлеченно следила за происходящим.

Майе было девять лет. Она была принцессой Комороса и единственным чадом царственной четы. В день имянаречения ее нарекли Марсианой — в честь кого-то из предков Семейства, — однако отец стал называть ее Майей, да так с тех пор и повелось.

В лестничном колодце послышался дробный топоток. Майя невольно вздрогнула, и хоть от долгого сидения на пятках ноги у нее кололо как иголками, менять позу она ни за что не желала. Первый призванный магией кистреля пришелец появился из-за истертой старой книги. Можно было не сомневаться, что черные глазки-бусинки и подрагивающие усы принадлежат самой обыкновенной мыши. За первой мышью пришла вторая, за второй — третья.

Канцлер Валравен сидел совершенно спокойно, рассеянно похлопывая по лежащей на коленях книге. Мыши тем временем спустились на пол и с шорохом и писком потекли к канцлеру, жадно нюхая воздух, словно бы перед ними был не старик в рясе, а самое что ни на есть соблазнительное угощение. Вскоре весь пол представлял собой сплошную мохнатую серую массу с подрагивающими розовыми ушами. Сила, пронизывающая воздух, сгустилась и стала почти

осязаема. Усталый, но твердый серебристый взгляд канцлера устремился в дверной проем. Канцлер пошевелился, и деревянная скамья под ним скрипнула.

— Ты чувствуешь присутствие Истока, Майя? — негромко спросил он. — Чувствуешь, как его сила держит мышей в повиновении?

— Да, — сдавленно прошептала Майя, чувствуя, как встают дыбом волоски на загривке. В глубине души она боялась, что какая-нибудь мышь прыгнет на подоконник, однако помнила, что во избежание такого исхода страх надо держать в узде. И сидела, неподвижная, как камень, не сводя глаз с мышиного ковра, покрывавшего пол.

— Мыши обречены повиноваться приказам кистреля. Они не в силах противиться. Кистрель влечет их к себе. Он завладевает их разумом, оставляя лишь чувства. Если бы ты открыла окно, я мог бы наполнить мышей страхом и заставить их броситься вниз, на верную смерть. И они бы послушались, Майя. Они пошли бы на смерть.

— Вот бы Кара Кухарка обрадовалась, — блеснула глазами Майя, но при взгляде на колышущуюся все растущую массу вновь содрогнулась от отвращения. Откуда-то вылезла пара крыс, с длинными усами и острыми, словно зубья пилы, передними зубами.

Наполнявшая комнату сила стала спадать, будто вода, утекающая в пробитую дыру. Мощь Истока слабела, и вместе с ней слабело заклятье. Мыши и крысы брызнули в разные стороны, заметались и бросились вниз по лестнице, катясь и накрывая друг друга, как волны в пруду. Две-три мышки попытались запрыгнуть к Майе на колени; девочка вздрогнула и носком туфли спихнула их на пол, к товаркам.

Пытаясь успокоиться, Майя схватилась сперва за сердце, затем — за плотно охватившее шею ожерелье с самоцветами. Она глотала ртом воздух и ждала, когда же ее отпустит.

— Только тот, кто властен над своими мыслями и чувствами, может прибегнуть к силе Истока, — сказал канцлер и покачал головой. — Ты пока еще не готова, Майя.

Она ощутила укол разочарования, но постаралась не выдать себя.

— Ну почему?

Канцлер с хрустом поскреб аккуратно подстриженные усы.

— Ты еще очень юна, Майя. Чувства еще долго будут рвать тебя на части. Погоди, вот исполнится тебе... ну, скажем, лет тринадцать... О, тогда чувства накроют тебя с головой! Нет, конечно же, я позволю тебе читать старинные книги, хоть это и запрещено, но кистрель я тебе еще долго не доверю. Старый орден Дохту-Мондар распался потому, что неразумно пользовался силой кистреля. Но из мастонских книг мы узнали, как правильно использовать силу Истока, и следим теперь за тем, чтобы кистрелями владели лишь те, кто не оскорбит ее вольно или невольно. Ты, моя дорогая, пока не готова.

Майя тяжело вздохнула. Ей так хотелось получить кистрель! Она изо всех сил старалась показать, что достойна его. Многие мастонские семьи сохранили способность взывать к Истоку через яр-камни, однако по каким-то загадочным причинам столетие за столетием эта способность ослабевала. Единственным средством обретения истинной силы Истока стали кистрели, ну, а кистрелями пользовались только в ордене Дохту-Мондар. Впрочем, несмотря на

все разочарование, Майя ценила свое положение и дорожила доверенным ей секретом.

Ни одну девчонку всех семи земель не допустили бы к тайному искусству чтения и гравирования. Оно было доступно лишь избранным — мальчикам и мужчинам. Что-то такое произошло в давние времена, что-то связанное со Скверной, пожравшей многих и многих, после чего женщинам больше не позволялось прибегать к Истоку, читать древние тома и уж тем более владеть кистрелями. Некоторые женщины из хороших семей были достаточно сильны, чтобы подчинить себе яр-камень. Это дозволялось. Таким женщинам разрешали стать мастонами. Учились женщины и в аббатствах, изучали языки, ремесла, музыку — но и только. Майя была единственным исключением, и то потому лишь, что отцом ее был король, а короли сами устанавливают правила.

Майя припомнила, как сказать на языке Прай-Ри «терпение», и произнесла слово вслух.

Валравен снова поскреб бороду.

— Должно быть, ты унаследовала от предков дар чужеречия, дитя. Сколько языков ты уже знаешь?

— Дагомейский, немного пайзенийский, ну и наш, конечно, — ответила Майя, выпрямила спину и гордо улыбнулась. — И на всех них я говорю и пишу. Вот бы еще выучить язык Прай-Ри, там ведь родилась матушка. Или нессийский. А какой лучше?

— Дитя, тебе ведь всего девять лет. Боюсь, наш нессиец совсем тебя замучил учебой. Все-то ты руны зубришь... — он постучал пальцем по изящному золотистому тому книги у себя на коленях. — Смотри только, не проговорись, что

умеешь читать. Если в братстве Дохту-Мондар узнают наш секрет, меня казнят.

Майя покрутила темный локон и укоризненно поглядела на канцлера.

— Я вас никогда не выдам, — твердо сказала она.

Канцлер улыбнулся.

— Знаю, дитя, знаю. Это все Исток, он заставляет меня думать об этом. Ты рождена для великих дел. Очень может быть, что однажды ты станешь королевой Комороса.

На мгновение Майе стало страшно.

— А как же мама? Вы ведь не думаете, что в ее ребеночке есть зло, правда, лорд канцлер?

Валравен провел рукой по курчавым седым волосам.

— Я никогда не лгал тебе, Майя. Ты — первенец царственной четы, но ты — девочка. Закон и обычай гласят, что, даже если наследников мужского пола у твоего отца не будет, править страной ты не сможешь. А после тебя твоя мать трижды рождала мертвых детей.

Майя вновь содрогнулась, чувство вины перехватило ей горло, едва не задушив. И все-таки она не заплакала. Однажды ее отец похвалился перед послами из Пайзены, что его дочь никогда не плачет.

— Это из-за меня? — спокойным голосом, серьезно спросила она.

— Кто может знать наверняка? Должно быть, такова была воля Истока. Что ж, будем ждать известий.

Он взмахнул рукой, указывая на заваленный пергаментными свитками стол.

— Видишь, сколько писем? Кому требуется ответ, кому — указания, кто-то просто желает удовлетворить соб-

ственное любопытство. Все короли окрестных стран жаждут знать, какого пола ребенок и родится ли он живым. А вон та груда бумаг на краю стола — это от короля Прай-Ри. Если родится мальчик, король желает женить его на своей дочери и подкрепляет это желание изрядной суммой денег. А ведь у короля Дагомеи тоже есть дочери, правда, уже взрослые, но и он предложит твоему отцу брачный союз с юным принцем и бочонок золота в придачу. Как в свое время предложил то же самое для тебя, — на лице канцлера играла мудрая улыбка. — Я охотно верю в то, что он так и не простил нам всего того, что было в прошлом, однако он достаточно умен и понимает все выгоды союза с более сильным соседом.

Майя знала, как устраивали ее собственный брак, и воспоминание об этом заставило ее печально улыбнуться. Когда ей было два года, король Дагомеи произвел на свет наследника и весьма скоро после этого заключил союз с Коморосом. Залогом прочности союза стала помолвка его сына с Майей. Впрочем, несколько лет спустя помолвка была разорвана, ибо торговое соглашение между Дагомеей и Пайзеной долго не протянуло, и конфликт вылился в ожесточенную войну.

Майя всегда знала, что ее брак будет делом чистой политики. В свои девять лет она уже не питала никаких иллюзий на сей счет. Однако она верила канцлеру Валравену, знала, что он умен и проницателен... и что он привязан к ней. Валравен был доверенным советником отца, личным наставником Майи, а кроме того, положение его в ордене Дохту-Мондар было столь высоким, что канцлер имел власть даже за пределами королевства.

По затекшим ногам разливалась ноющая боль. Майя разгладила подол платья.

— А вы уже придумали, за кого я... выйду замуж? — спросила она, стараясь не выдать того смятения, которое охватывало ее всякий раз при мысли об этом.

— Хм-м-м?

Канцлер склонил голову и прислушался, повернувшись ухом к открытой двери.

— Наверное, уже идут какие-нибудь переговоры о... о моем браке?

— В данный момент — нет, — ответил Валравен. — Ты у нас девица красивая, пусть и застенчивая. В желающих предложить тебе руку и сердце недостатка никогда не будет. Однако с политической точки зрения было бы необдуманно заключать какие бы то ни было договоренности прежде, чем мы будем знать точно, произведет ли твоя мать на свет наследника. Как советник твоего отца, я вынужден вести судно туда, куда дует ветер, а не требовать от ветра, чтобы он дул, куда я пожелаю. Если я буду достаточно ловок, однажды ты станешь первой властительницей этих земель. И нам надо будет очень осмотрительно подбирать консорта, понимаешь?

С лестницы послышались шаркающие шаги. Канцлер Валравен встал, сдвинул груду пергаментов и положил книгу на стол. Колыхнув подолом рясы, он повернулся к окну и стал смотреть на простиравшиеся внизу черепичные крыши с торчащими тут и там трубами. Небо над крышами наливалось сажистой чернотой.

На пороге показался Кэрью, королевский рыцарь. Лицо его блестело от пота, взгляд был напряжен, и Майе хватило одного взгляда, чтобы понять, что ребенок погиб. Внутри у нее все сжалось, сердце заныло от боли. Она так мечтала,

чтобы у нее был брат или сестра! Пусть бы даже это значило, что ей не бывать королевой Комороса. Она любила играть с другими детьми и в товарищах по играм недостатка не имела, но все прочие дети, разумеется, были ниже по происхождению. Майя знала, что им велено во всем с ней соглашаться, уступать победу в любой игре, подчиняться любым ее капризам и исполнять все желания.

Противно!

Майя полагала, что стала принцессой по воле слепого случая, и относилась к окружающим как к равным, если только они не демонстрировали обратного. По природе склонная к соревнованию, Майя мечтала побеждать собственными силами, а не принимать победу даром. В результате среди ровесников друзей у нее почти не было, и дружила она по большей части с теми, кто был старше и мудрее — например, с канцлером.

— Ребенок... родился мертвым, — задыхаясь, выдавил из себя Кэрью и уронил голову. — Мальчик. Прошу вас, спуститесь и утешьте короля. Он сам не свой от горя.

— Разумеется, — скорбно ответил Валравен. Собираясь с силами для предстоящего, он бросил последний взгляд в окно. Майя заметила, как он стиснул челюсти, как хрустнул пальцами, но уже в следующее мгновение он глубоко вздохнул и повернулся к рыцарю.

— Идем, Майя.

Неожиданное это приглашение и напугало девочку, и польстило ей. Она сползла с подоконника, и по ногам кинжалом ударила боль. Украдкой растирая лодыжки, Майя захромала вниз по ступеням. Канцлер шел впереди.

В сердце девочки боролись противоречивые чувства.

Братик умер. А может, и не жил вовсе, хотя, правда, кладя руку маме на живот, Майя порой ощущала движения ребенка. Нахлынули воспоминания, соблюдать приличествующую случаю сдержанность становилось все тяжелее. Прошлые матушкины трагические беременности остались далеко в прошлом, когда Майя была еще слишком мала и беспечна. На сей раз удар вынести было тяжелее, однако она должна быть сильной — ради отца с матерью. А в самом дальнем, крошечном, постыдном уголке души у нее таилось нетерпение. Весь последний год канцлер готовил девочку в наследницы отцу, однако когда мать понесла, Валравен стал уделять обучению меньше внимания. Быть может, теперь она, Майя, получит возможность править страной самостоятельно, а не через какого-то там мужа? Мысль о королевской короне была сладка, слаще медового печенья, и в этот скорбный миг выглядела гадко. «Наверное, я очень плохая, раз сейчас об этом думаю», — сказала себе Майя.

Достигнув главного коридора, они пошли быстрее. Весть об исходе родов расходилась по замку, порождая стоны и завывания. Скорбь королевской четы никого не оставляла равнодушной. В груди у Майи стало тесно. Девочка сжалась и постаралась держаться поближе к канцлеру. Они достигли другой башни и стали подниматься по ступеням. Один за другим загорались яр-камни, освещая их путь холодным бездымным светом. Лестница делала виток за витком, и вот наконец послышались голоса. Статный рыцарь покачал головой и сказал, что не смеет входить. По лицу его текли слезы. Но Майя не плакала. Канцлер обошел рыцаря, и Майя сделала то же самое.

Достигнув верхней площадки лестницы, Майя расслы-

шала голос отца. Хриплый, яростный, он был исполнен страдания.

— И зачем я только взял тебя в жены!

Осознав услышанное, Майя пришла в ужас. Отец никогда не говорил ничего подобного. Майя буквально онемела.

Канцлер остановился у двери. Глаза его сузились от ярости, но лицо было обманчиво спокойным, а худая фигура излучала решимость. Канцлер протянул руку и удержал Майю, не позволив ей войти в комнату.

Майя услышала плач матери.

— Прости меня, муж мой. Прости! Я... молю... прости меня... Мое дитя! О, сын мой! — И она снова глухо зарыдала, перемежая рыдания сдавленными всхлипами.

— Сколько боли я тебе причинил! — со стоном произнес отец. — Лучше бы мы никогда... — голос его исказился, и король яростно откашлялся. — Отчего Исток нас подвел... в который раз? Я владел своими мыслями. А ты — своими. Нас учили, что все начинается с мысли. А бдения, которые мы совершили, дабы упрочить связь с Истоком... весь город совершил бдение! — голос его зарокотал как гром. — Отчего же Исток опять посмеялся над нами? Во имя Идумеи, чего еще он от нас хочет?

— Нет... нет... это не... Исток не... не повинен ни в чем, о муж мой, — с трудом выговорила мать.

Майе стало страшно. Захотелось съежиться, спрятаться, стать совсем маленькой. Родители, рядом с которыми всегда было так хорошо и спокойно, — эти самые родители ныне пребывали в отчаянии и бессилии. Это было ужасно.

— Я-то полагал, — с горькой язвительностью произнес отец, — что, если мы будем повиноваться воле Истока, наш

род продлится. Но это уже в четвертый раз! Это знак: наш брак проклят.

— Нет! — умоляюще вскричала мать. — Ведь мы оба ощутили одно и то же, Браннон. Мы чувствовали, что Исток благословил наш брак. Это испытание. Испытание нашей... нашей веры.

— Очередное испытание? — прошипел отец. — А потом что? Опять испытание? А если это все — ошибка? Что, если нам вовсе не следовало вступать в брак? Но мы совершили ошибку и теперь расплачиваемся за это.

— Обними меня, муж мой. Прошу тебя, обними. Я не могу этого слышать...

После этого слов было уже не разобрать. Рука канцлера Валравена крепко, до боли стиснула плечо Майи. Девочка посмотрела в наливающиеся серебром глаза. Царившие в комнате гнев и боль таяли, утекали в кистрель, висевший на шее канцлера. Лицо Валравена исказилось болью, пальцы впились в плечо девочке так сильно, что она едва не вскрикнула, но закусила губу и промолчала, видя, какое облегчение магия приносит ее родителям.

Валравен осушал их страдание и выпивал их боль. Из-под пышного воротника виднелся изгиб причудливой, похожей на змею татуировки, которая обвивала шею канцлера. Он говорил Майе о том, что странные несмываемые узоры на коже — расплата за обращение к кистрелю. Последствия магии, которые ложатся на всякого к ней прибегнувшего. Как-то раз канцлер даже показал Майе собственную татуировку, извивистую темную отметину, уходившую куда-то в гущу седых волос.

В комнате больше не кричали и не рыдали. Глаза канцле-

ра наполнились слезами. Он провел по глазам тыльной стороной ладони и разжал пальцы, что стиснули плечо Майи. Потом будут синяки, подумала девочка.

Валравен прожег ее взглядом.

— Никому и никогда не говори о том, что ты сейчас услыхала, — шепотом приказал он. — Горе не любит посторонних ушей. Когда супруги переживают столь тяжелый удар судьбы, они могут говорить вещи, о которых позже пожалеют. Я помог им и забрал самое горькое. Запомни этот урок, дитя. Кистрель может облегчить даже самое тяжкое горе. Главное — уметь управлять своими чувствами.

— Я научусь, — твердо пообещала Майя.

И они вошли в комнату, где висел не успевший еще развеяться тошнотворный запах крови.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Корриво

Грубая рука тряхнула Майю за плечо, вырывая ее из сна. Майя заморгала, не в силах разом стряхнуть туман сновидений. Слуха ее достиг комариный звон, и девушка потрясла головой, пытаясь понять, где она. Густой непроходимый лес вздымался вокруг, и деревья трогали отсыревшими от росы лапами ее изорванную рубаху и изношенный плащ. Поморщившись от боли в ранах и синяках, Майя села и еще раз попыталась вспомнить, как она сюда попала.

Она еще несколько мгновений шарила в памяти, но вот наконец хлынули воспоминания — такие, что Майя уже почти жалела об их возвращении. Это — проклятые леса южной Дагомеи. Отчаявшись отыскать средство от всех тех бед, которые обрушились на Коморос после изгнания дохту-мондарцев, король дал дочери кишона — наемного убийцу, нескольких солдат в качестве охраны и отправил

на поиски утраченного аббатства, в котором хранились секреты ордена. Путь к аббатству был усеян опасностями, отцовских солдат разогнало и растерзало страшное чудовище, и в живых остались только Майя и кишон. Аббатство они нашли, но, войдя в него и окунувшись в его тайны, Майя поняла, что до конца путешествия еще далеко.

Все было как в кошмаре. Все было наяву.

— У вас отсутствующий взгляд, леди Майя, — сказал кишон и присел перед ней на корточки. По его щекам тек пот, жесткие волосы слиплись. Раны на руках и ногах были перетянуты тряпками, сквозь которые проступала засохшая кровь. Кишон испытующе вгляделся ей в лицо, скользнул взглядом по свисавшему в вырезе рубахи кистрелю и по темным пятнам татуировок, покрывавших ключицы и шею девушки.

— Мне приснился сон, — хрипло произнесла Майя и снова потрясла головой, избавляясь от липкой паутины воспоминаний. В волосах у нее запутались ветки и листья. Она потянулась, выгибая спину, пытаясь размять мышцы, и стала энергично растирать руки. Все вокруг казалось вязким и неспешным, призрачно-размытым.

Вернувшиеся во сне детская ярость и детская боль никак не желали уходить. Майя медленно потерла виски. В день, когда мать родила мертвого ребенка, в облике отца впервые мимолетно проступил образ человека, которым ему предстояло стать. При мысли о собственной детской наивности Майя содрогнулась. В горле поднялась жгучая волна. Ах, как ясно она помнила, что значит быть принцессой целой страны!

Что ж, больше она не та наивная девятилетняя девочка. Теперь она вдвое старше, да и не принцесса вовсе.

— Что вас тревожит? — хмуро спросил кишон. Лицо его было изрезано шрамами, половины уха не хватало.

Майя покосилась на него.

— Приснился грустный сон. Из детства.

В боку проснулась внезапная боль, и Майя с силой размяла его пальцами.

— Матушка тогда опять родила мертвое дитя. Она горевала. Отец был с ней груб. Это было давно, — она помолчала. — А потом меня отослали.

— То есть изгнали, — бесцветным голосом подсказал кишон.

Майя покачала головой.

— Нет, сначала отослали, отправили в город Бриджстоу на границе с Прай-Ри. Формальным предлогом было — помочь уладить пограничную тяжбу между Прай-Ри и Коморосом.

— Формальным предлогом, — почти весело хмыкнул кишон. В его исполнении это было равносильно громкому смеху. — Ну и словечки у вас, моя госпожа! Я убийца, а не ученый!

— Прости. Никак не приду в себя после этого сна. В девять лет меня отправили в Бриджстоу. Это предложил канцлер. Помнишь канцлера Валравена? — Кишон коротко кивнул. — Когда матушкины роды вновь окончились бедой, он посоветовал родителям отправить меня в Бриджстоу, дабы я начала овладевать обязанностями наследницы трона. Я прожила на границе с Прай-Ри три года. Там я выучила их язык, — Майя разгладила безнадежно измятые юбки. —

Красивая страна. Матушкино Семейство оттуда родом. По-моему, бабушка моя — Альдермастон одного из тамошних аббатств. И деревья такие старинные. Ты там был?

Кишон молча покачал головой.

Вокруг них вилась уже целая туча комарья, привлеченного, по всей видимости, звуками голосов. Разгонять комаров ладонью было бессмысленно — они тут же слетались вновь. Майя подумала было о том, чтобы воспользоваться кистрелем, но остановила себя: взывать к его силе следовало чрезвычайно экономно. Татуировки уже поползли вверх по горлу, и очень скоро любой внимательный наблюдатель сможет без труда их разглядеть. Если же кто-нибудь узнает, что она пользуется кистрелем, об этом тотчас же станет известно дохту-мондарцам, и ее немедленно казнят.

Правда, она и так идет навстречу смерти...

Миссия, которую она приняла на себя в утраченном аббатстве, определила ее судьбу раз и навсегда. Майе предстояло отправиться в Несс, отыскать там Верховного Провидца — точнее, Провидицу — мастонов и выяснить, как появились Бесчисленные и каким образом они сумели наводнить и уничтожить королевства. Только это знание может спасти Коморос. Но как, спрашивается, добраться до самого сердца ордена, который запретил женщинам учиться читать и взывать к Истоку?

Невидящим взглядом Майя уставилась на тонкий, поросший лишайниками и мхом ствол упавшего краснодерева. Тишину заполнил комариный звон и пощелкивание каких-то насекомых. Майя с кишоном торопились на запад, надеясь выйти к берегам Дагомеи, где должно было ожидать «Благословение Бернайленда», судно, которое доставило

их сюда. Земли, по которым они странствовали, не прощали ошибок и были жестоки к чужеземцам, и хоть кишон сам был этим землям под стать, странствие было омрачено множеством бед. Каждую ночь путников терзали полчища кусачих насекомых. Под ногами то и дело мелькали змеи, причем опасные, ядовитые. Источники с чистой водой встречались отчаянно редко — впрочем, к счастью, дорогу к утраченному аббатству стерегли яр-камни.

Майя повернулась к яр-камню, у которого ее настиг сон. Узкий, высокий, с закругленными гранями, он был немногим ниже стоящей Майи. На камне было вырезано лицо, почти полностью успевшее изгладиться за прошедшие столетия. На яр-камнях всегда вырезали лица, а служили эти камни для того, чтобы направлять силу Истока, даруя людям воду, свет, огонь, тепло и множество всевозможных позабытых вещей. Без яр-камней этот поход был бы невыносим.

Взятую в дорогу провизию путники давно уже съели, однако кишон был привычен к такой жизни и без труда находил добычу, пусть и не на самый изысканный вкус, — ящериц, крыс, белок, а порой даже летучих мышей. Страстно мечтая о нормальной еде, Майя надеялась, что уже через несколько дней они выйдут к кораблю. Пусть он понесет их в Несс, навстречу страшной судьбе, пусть что угодно, лишь бы только выспаться в нормальной человеческой постели!

— Покажите укусы, — сказал кишон и сделал движение, словно желая коснуться платья.

Ворот платья был разорван в том месте, где солдаты отца, посланные ее защищать, рванули кистрель, пытаясь сорвать его, а саму Майю — задушить. Девушка сжала ткань в кулаке и помотала головой.

— На корабле посмотришь, — сказала она. — И у меня ничего не болит.

Кишон хмыкнул, пожал плечами и встал. Он осмотрел яр-камень, провел забинтованной рукой по щербатым каменным бокам, фыркнул с видом не то презрительным, не то высокомерным и стал ждать, покуда Майя вызовет чистую воду, чтобы они могли напиться.

Майя отбросила за спину спутанные темные волосы, встала сбоку от камня и наклонилась, чтобы не замочить платье. Девушка воззвала к кистрелю, и глаза яр-камня загорелись двумя угольями. Из щели, некогда изображавшей рот, хлынула вода. Майя сунула под струю руки и стала тереть, наслаждаясь ощущением бегущей по пальцам холодной воды. Сложив ладони ковшиком, она напилась. Потом еще раз. Еще. Источник не иссякал, и вода без устали наполняла небольшую ямку у основания камня.

После Майи пил кишон. Он сунул голову под воду, а потом стал ловить струю иссеченными шрамами губами и пить большими глотками. Дожидаясь, пока он напьется, Майя положила руку на камень.

Стоило ее коже коснуться камня, как в сознании возник образ, такой ясный и четкий, словно перед ней распахнулось окно в иную страну, и теперь она видела ее одновременно с тем, что было вокруг.

— Кто ты?

Этот вопрос исходил от человека — мужчины, стоявшего на коленях перед другим яр-камнем в череде указывавших дорогу к аббатству. Увидев груду костей и ржавых доспехов, Майя сразу узнала это место. То было поле давней битвы, в которой не выжил никто. Волосы и борода человека были

словно припорошены пеплом, лицо — усталое и грязное. Черная куртка дохту-мондарца была в грязи. В левой руке человек сжимал кистрель.

— Кто ты, девчонка?

Его яростная мысль впилась в разум Майи, обездвижила ее, связав той самой нитью, что протянулась между девушкой и яр-камнем. Майя не могла пошевелиться. Не могла дышать. Вокруг человека стояли рыцари в дагомейских одеяниях. Майя запаниковала. Эти люди тоже пришли в проклятый лес... и охотились они на нее! Мысль беловолосого была сильна и безжалостна.

Майя попыталась оторвать руку от камня, но не могла пошевелиться. Чуждая, страшная сила потекла по ее костям и жилам, связывая, обездвиживая.

«Она попалась, — подумал человек, обращаясь к кому-то другому. В поле зрения вступил еще один человек в дохту-мондарской рясе и тоже положил руку на камень. Его мысли зазвучали четко и ясно. — Прошлой ночью она спала у гаргуйля. Орландер уже почти на месте. Я буду держать ее, пока он не прибудет. Попалась! Ее-то мы и ищем».

Усилием воли Майя оттолкнула его мысль. Сила, сжимавшая ее в тисках, застонала, и Майя рванулась на свободу. Ей не удалось сдержаться, и сквозь связывавшую ее нить потекли воспоминания.

«Эй, Корриво, а она не из слабеньких!» — почти восхищенно подумал второй дохту-мондарец.

«Я все равно сильнее», — отрезал беловолосый. Майя по-прежнему видела его... этого бородатого, Корриво. Его мысли ударили ей в сознание. Они были как окованный железом таран, и Корриво сжал зубы, ломая ее сопротивление.

«Попалась, Марсиана Соливен, — подумал, обращаясь к ней, Корриво. — Мы захватили твой корабль с командой. Пока ты спала, я выслал вперед двух охотников с солдатами. Тебе от меня не уйти. Сдавайся, леди Марсиана».

Майя дрожала от ярости страха. Ее воля схлестнулась с волей врага. Майя дрогнула. Корриво нахмурился, мрачное его лицо потемнело.

«Я тебя вижу. Нас послал король Дагомеи, в борьбе с ним ты бессильна. Мы выследим и схватим тебя, моя леди, это я тебе обещаю. Тебе не уйти. Когда придут солдаты, ты сдашься в плен. Прикажи своему защитнику сложить оружие. Сделай...»

Майя крепко зажмурилась и попыталась изгнать из головы мысли дохту-мондарца, однако, как ни старалась, они отпечатывались у нее в сознании, словно вырезанные в камне руны. Враг давил Майю своей волей, приказывал ей повиноваться. Майя ощутила, как чужая сила завладевает ею, и поняла, что если она увидит этого человека, то не сможет не подчиниться.

— Моя госпожа? — поднял голову кишон. Должно быть, он догадался: что-то случилось.

Майя не могла говорить. Язык не повиновался ей. Она посмотрела на кишона молящим взглядом.

«Уходи, — в отчаянии подумала Майя. — Не вмешивайся».

«Не могу ее удержать», — подумал второй дохту-мондарец, внутренне застонав от усилия.

«Ничего, удержим, — подумал Корриво. — Будем держать вместе, усмирим как миленькую. Не ослабляй захват!»

Хватка чужого разума усилилась, и в голове у Майи взор-

валось облачко боли. Девушка застонала, чувствуя, как крошится и рушится ее воля. Колени дрожали, тело сотрясали конвульсии. Она поспешно ушла в себя, призывая на помощь последние крохи силы и решимости. Она отобьется. Иначе никак нельзя. Пусть она погибнет на пути к цели, но не здесь, не сейчас.

«Сдавайся, леди Марсиана. Сдавайся. Сдавайся!»

Она задохнулась — кишон рывком отбросил ее от яр-камня и упал сверху. Связь с камнем оборвалась, и мучительная хватка чужого сознания исчезла. Майя часто задышала, хватая ртом воздух.

— Они нашли нас, — выдохнула она, перекрывая стук зубов. — Дохту-мондарцы идут за нами!

— Где они? — кишон быстро встал и рывком помог подняться Майе, выхватил клинок и резко развернулся, вглядываясь в чащу.

— Идут по нашему следу, — сказала Майя, указывая на запад. — Я увидела их разумом. Они говорят, что захватили наш корабль и команду. Они знают, что мы остановились на ночлег у камня, поэтому послали вперед своих людей и двоих охотников в придачу. Надо бежать, но куда? Путь по морю для нас теперь закрыт.

Сердце бешено стучало. Вокруг была чужая земля. Земля, где родилась погибель.

— Если они захватили корабль, на запад нам нельзя. Выбора нет — придется идти на север. Пешком через всю Дагомею.

Майя понимала, что кишон прав, однако сама мысль об этом переходе страшила ее до глубины души. Между Коморосом и Дагомеей исстари царило немирье. Молодой,

жестокий, честолюбивый дагомейский король поклялся низложить отца Майи и забрать под свою руку Коморос, и причиной его гнева было не только изгнание ордена Дохту-Мондар из пределов Комороса, но и разорванная много лет назад помолвка с самой Майей. Но король Дагомеи не знал, что в отцовском королевстве больше не было ни мира, ни покоя и что судьба Комороса ныне лежала на плечах изгнанницы, королевской дочери, лишенной наследства.

Майя и кишон поспешно собрали пожитки и торопливо углубились в лес. Вскоре яр-камень остался далеко позади. Они не бежали — бег слишком быстро утомил бы их. Преследователи шли всю ночь, в темноте, а потому наверняка устали и не сразу поймут, куда пропали беглецы. Майя шла, а в голове у нее разворачивалось что-то черное и маслянистое, словно бы оттиск намерений дохту-мондарцев. За всю свою жизнь она лишь дважды видела людей со столь сильной волей. А ведь с солдатами могут идти и другие. Если дагомейцы знают, что у женщины, которую они преследуют, имеется кистрель, они пошлют столько людей, сколько понадобится, чтобы смирить ее силу.

Майя наткнулась на ветку. От торопливой ходьбы сердце неслось галопом. Майя всегда любила карты изведанных земель и всю жизнь охотно рассматривала их, запоминая названия городов и провинций, обводя пальцем горы и леса. Она с детства помнила, что более половины территории Дагомеи необитаема. Сама природа этих земель восстала против королевской власти, и на место человека пришла Гниль, которая уничтожила королевства и воцарилась на их месте. Никто не селился здесь, ибо в проклятых землях в изобилии обитали смертельно опасные змеи и ядовитые пауки. В се-

верной части Дагомеи человеческие поселения еще были, но на юге, вдали от прибрежной полосы, селились лишь редкие смельчаки. Как ни старалась Майя, она не могла припомнить ни единого названия здешних деревень или городов.

Она в ужасе осознала, что теперь от Несса — главного обиталища Дохту-Мондар — ее отделяли целых три государства: Отландия, Пайзена и Мон. Мон находится на самом побережье, его, возможно, удастся обойти, но вот избежать пути через остальные страны можно, лишь имея корабль. И все три государства ополчились на ее отца с того самого дня, как он изгнал дохту-мондарцев из Комороса.

Они шли с решимостью, рожденной отчаянием. Майя была крепкого сложения и сумела пережить все опасности, что уже повстречались на ее пути. Она твердо шагала по сырой чавкающей жиже, не ноя, не жалуясь на несправедливость судьбы. На жалобы не оставалось времени. Надо было обойти преследователей, добыть провизию и как можно быстрее добраться до цели.

Желудок ее протестовал против столь быстрой ходьбы и сжимался в болезненных спазмах, горло пересохло от жажды. Солнце выползло из-за горизонта и покатилось вверх, пронзая лучами тусклую листву и гладя обросшие мхом валуны, которые валялись тут и там. Не было ни единой приметы человеческого присутствия. Ни единого дорожного камня.

Они позволили себе краткий привал: Майе нужно было восстановить силы. Исхлестанные, иссеченные жесткой травой ноги отчаянно чесались. Щиколотки распухли и покраснели. Майя тяжело дышала, сердце стучало в ушах как барабан.

— Как по-твоему, они далеко? — еле выговорила она.

Кишон покачал головой, но смотрел при этом вперед, а не назад.

— Рано или поздно им все равно придется сделать привал. А вот нам останавливаться нельзя. Будем идти всю ночь. Так им придется искать след, а это тоже время. Они ведь не знают, куда мы направляемся, так?

Майя покачала головой.

— Им неоткуда знать. Несс — последнее место, где нас будут искать.

Отдых окончен; кишон крепко взял Майю за руку, и они вновь принялись пробираться сквозь заросшую подлеском чащобу. Майю мучила жажда. Пить из поросших папоротником болот они не осмеливались, понимая, что вода в них так же ядовита, как и все в этой земле, а поиск яр-камней был бы неоправданным риском. Что, если Корриво караулит у своего яр-камня в ожидании этой возможности? Нет, нельзя выдавать дохту-мондарцам свое присутствие и свой путь. Пусть впустую рыщут в темноте и шарят по кустам.

Если бы только у Майи имелся собственный охотник! Он заметал бы след, знал бы эту землю со всеми ее тайнами. На него можно было бы положиться. Майя упорно шла вперед, а мысль об охотнике упорно билась у нее в голове. Собрав все силы души, Майя безмолвно, яростно крикнула в пространство: «Мне нужен охотник! Мне нужен тот, кто знает путь!»

Словно ответом на ее мольбу, в лицо ударил ветер. Быть может, то был ответ Истока? Майя не знала.

На исходе дня она поняла, что не ошиблась.

Когда я была безродной и жила в Муирвуде, некий странный человек по имени Мадерос рассказал мне сказку о горе близ аббатства. Гора называлась Тор. Мадерос рассказывал, как однажды с севера пришли воины. Они пришли не из семи королевств, а из страны темных озер и каменистых фьордов. Они приплыли на длинных расписных ладьях и обрушились на наши земли. Они вырезали деревню на озере у аббатства, а потом маршем пошли на Муирвуд. И тогда Альдермастон воздел руки и призвал гору из тех, что высились вокруг. И гора поплыла над землей и обрушилась на врагов, погубив их. Но знай, о правнучка, что погибли не все солдаты. Те, что остались живы, бежали назад, в свои темные земли, и рассказали там о жителях семи королевств и о могучей силе, которой наделяет их Исток. Знай, что эти люди, нессийцы, пришли на брошенные нами земли и завладели ими. Нессийцы хитры и всегда готовы к драке. Когда в семь королевств Комороса, Прай-Ри, Дагомеи, Отландии, Мона, Авиньена и Пайзены вернутся мастоны, они увидят, что на покинутых землях воцарилось иное, восьмое королевство. Жители его будут выказывать притворное дружелюбие, но доверия в их сердцах не будет. Они будут бояться вас. Они возродят орден Дохту-Мондар. Помни об этом.

Лийя Демонт, Альдермастон аббатства Муирвуд